

Л.А. Тихомиров

Рабочий вопрос и русские идеалы

I

Много было толков и споров о русских идеалах сравнительно с западноевропейскими или, вернее, об идеалах коренного русского народа, живущего своими историческими заветами, и идеалах объевропеенной части нашего общества.

Эта последняя, полная веры в слова своих западных учителей, не только привыкла презирать духовное содержание родного народа, но дошла даже до полного незнания его. А между тем чем дальше подвигался к концу XIX век, тем более истощался европейский идеал, тем менее он оказывался способен давать своим последователям высокое содержание жизни, и в настоящее время старый спор о русских идеалах получает наконец такое жгучее значение, как никогда. Множество признаков указывает, что к этому старому, но отвергнутому, оклеветанному и забытому русскому идеалу должен возвратиться всякий, имеющий потребность истинно человеческой жизни.

Очень наглядные примеры этого дает рабочий вопрос, то есть вопрос об устройстве быта и благосостояния тех миллионов рабочих, которые были оторваны развитием крупной промышленности от устоев старого европейского строя и которых требуется как-нибудь организовать и привести к правильной общественной жизни.

Творческое бессилие европейских идеалов ярко проявилось на этих миллионах человеческих существ, которых устроители социальных судеб новых европейских государств умели только погружать в бесправие и нищету или толкать из революции в революцию.

Чисто практический смысл рабочих да ряд компромиссов с революциями породили наконец идею и практику профессиональных союзов, которые и действительно сделали кое-что для улучшения быта пролетариата. Казалось бы, всякий человек, сколько-нибудь гуманный и здравомыслящий, мог только радоваться тому, что эти пролетарии получают наконец фактическую защиту своих прав, начинают получать большие заработки, жить в более благоустроенной, чистой и приличной обстановке.

Но что же? Именно представители передовых европейских идеалов оказываются крайне недовольны этим явлением в жизни рабочих и начинают поход против системы подобных улучшений их быта.

Во втором номере берлинского журнала "Zukunft" ("Будущность") явилась характеристичная статья социал-демократа Павла Эрнста. "Einst und jetzt" ("Прежде и теперь"). Это целый обвинительный акт против современного немецкого рабочего класса. Автор изображает немецкий рабочий класс совершенно павшим духовно.

Прежде рабочий мечтал о социалистическом перевороте, это была его великая идея, тесно связанная с его классовой сущностью. Рабочий, думая о своем интересе, стремился к перевороту существующего строя и к замене его новым, небывалым, социалистическим. Поэтому рабочий тогда представлял идею будущего, был элементом самым прогрессивным и из всех классов современного общества наиболее заслуживал уважения... Теперь же все изменилось! Рабочие, даже социал-демократы по названию, стали думать только о своих делах, о том, чтобы получше и поудобнее устроиться, - словом, сделались такими же эгоистическими, как и прочие классы. Но если рабочие начали думать только о таких предметах, говорит Эрнст, "то они делаются из всех классов самым малоценным и неинтересным... "

Таков вердикт огорченного социал-демократа. Преступление рабочих состоит в том, что среди них к концу XIX века все более начало брать верх чисто профессиональное рабочее движение. С накоплением опыта и развития, устав ожидать прилета социалистического журавля, рабочий начал все более заботиться об улучшении своего быта теперь, при существующих условиях. Это, при разумном образе действий, оказалось возможным, и рабочие, оставаясь по формуляру "социал-демократами", в действительности стали жить как обыкновеннейшие "буржуа".

В силу этого, по обвинению Эрнста, они пали, они уже не живут идеалом. Обвинение, по-видимому, столь попадает в цель, что известный Эдуард Бернштейн, руководитель "Socialistische Monatshefte", хотя и счел необходимым заступиться за свою партию, но в защиту ее не нашел ничего, кроме общих, незначащих фраз.

Итак, кажется, совсем простое, обычное и даже полезное дело, то есть то, что люди заботятся о сносных жилищах, пище, о каких-нибудь невинных развлечениях, об обеспеченности своих прав и т. п., уже, выходит, несовместимо с "идеалом". Оказывается, что они через это изменяют идеалу, падают, не имеют достойной цели жизни. Что же это за странный идеал, что это за люди?

II

Собственно говоря, я не берусь решать, прав ли Эрнст в своем обвинении и действительно ли немецкие рабочие, переставая верить в революцию, погружаются в жизнь без идеалов, жизнь животную. Это лучше знать самим немцам. Но несомненно, что множество людей нашей интеллигенции совершенно готовы сочувствовать огорчению Эрнста. Они точно так же могут представить себе человека только в одном из двух состояний: или в опьянении революционного идеала, или в состоянии животного отупения. Упреки и предостережения в этом смысле часто у нас делаются нашей молодежи, которую ее руководители с самого раннего возраста направляют к "революции" на том основании, что потом человек "опускается", "падает", "погружается в животное состояние", - словом, совершенно то же, что Павел Эрнст говорит немецким рабочим...

Не странно ли, однако? Ведь, собственно говоря, то, что немецкие рабочие перестают думать о социалистическом перевороте, во всяком случае, вовсе не глупо и показывает, что они стали теперь более развитыми и более умственно самостоятельными, нежели прежде. Ведь идею социалистического переворота создали не рабочие, а международная революционная интеллигенция. Рабочие, как и упомянутая часть русского общества, только поверили революционной интеллигенции, подчинились ей и под ее руководством начали стремиться к совершению такого дела, которое и невозможно, и не нужно, и для всех было бы крайне вредно. Если теперь, как говорит Эрнст, немецкие рабочие выходят из-под указки революционной интеллигенции, то это означает, что они перестали подчиняться чужой мысли, то есть сделались выше, а не ниже, чем прежде. Как же могло случиться, что, оставляя заблуждение, в которое они были вовлечены другими, они уже не находят в себе на место его никакой другой, своей, истинно высокой цели жизни?

А между тем совершенно такое же явление замечается и в нашей интеллигенции. Его можно наблюдать и по поводу возникающих у нас стремлений улучшить быт фабричных рабочих, обеспечить их права, найти подходящую для этого организацию и т. п. Казалось бы, что тут можно порицать? В чем можно расходиться, кроме разве частных дел? Конечно, если какое бы то ни было дело ведется плохо, если при этом берутся фальшивые ноты, все это может подлежать критике. Но мы нередко видим вражду к самому существу дела, слышим крики, что "все эти ничтожные улучшения" только "развращают" народ и "укрепляют существующий строй".

Точка зрения совершенно та же, что у Павла Эрнста. Нет блага, кроме "революции", а все, что ей мешает, всякое улучшение жизни и существующего строя есть зло, и если у кого-либо исчезает идеал "революции", то он, значит, человек павший, "без всяких идеалов"!

Мыслима ли человеческая жизнь, когда дело дошло до такого отношения к понятию идеала?

III

Что такое идеал жизни? Какой идеал высок и какой ничтожен!

Идеал есть то, что указывает нам высшие, крайние цели жизни. Высокий идеал есть тот, который открывает нам всю полноту целей нашей жизни. Ничтожный идеал есть тот, который не замечает наиболее глубоких и истинных целей жизни, а усматривает только цели второстепенные.

С этой точки зрения идеал, которым хвалится Павел Эрнст, то есть идеал социалистической революционной интеллигенции, именно совершенно ничтожен. Это идеал, так сказать, людей духовно слепых, которые отвергают все самое высокое и видят в человеке лишь умное животное.

Зачем существует мир и зачем в нем существует человек? Этих вопросов социалисты-революционеры не знают и не хотят знать. Они говорят, что Бога нет, а если некоторые и не отрицают бытия Божия, то все-таки совершенно не принимают Его во внимание, как будто Его и вовсе нет.

Воли Божией они не признают и не хотят знать. Устраивать человеческую жизнь они желают только по своему собственному усмотрению и рассуждению, совершенно не принимая во внимание Воли Божией и законов, Богом данных. Как же они хотят, по своему рассуждению, устраивать жизнь? Что такое для них человек? Кем он послан в мир и куда уйдет из мира? Эти вопросы для них не существуют. Некоторые говорят, что человек произошел от обезьяны, другие и этим не интересуются, а просто говорят, что человек - умное животное, которому нужно только хорошо есть и пить да удобно жить. А потом умрет человек - и уничтожится. В бессмертную душу они не верят и о том, что ждет человека после земной жизни, не думают.

Можно ли считать это высокими идеалами? Можно ли считать высокими те цели жизни, которые рассчитаны только на ничтожные 50 - 60 лет земного человеческого существования, без всякого помышления о тех тысячах и миллионах лет, которые наступят для каждого из нас после земной смерти, которая есть только начало, а не конец существования? Такое

понимание жизни не только не высоко, но до безумия узко и непредусмотрительно. Это такое понимание, как у животного, которое думает только о сегодняшнем дне, не помышляя о завтрашнем, и щиплет траву без размышления о том, что завтра будет, может быть, зарезано и попадет на сковороду или в кастрюлю.

Социалисты утешают себя тем, что они зато очень хорошо устроят нынче свое пастбище, так что каждому достанется вдоволь травы. Это они и считают своим великим идеалом. Для того чтобы этого достигнуть, они хотят изменить все, чем до сих пор жили люди, уничтожить существующее общество и устроить совсем заново коммунистическое общество, где ни у кого не будет ничего своего, где и умный, и глупый, и ленивый, и прилежный будут одинаково продовольствоваться на общественный счет. При этом уничтожается всякая власть, кроме общественной, и социалисты воображают, будто бы таким образом получится "свобода, равенство и братство".

Но какая же это свобода! Разве общественная власть не есть власть? Не все ли равно, кто прикажет, если нужно подчиняться? Какая может быть свобода, если у человека нет своего имущества и даже своего куска хлеба, так что каждый раз, когда социалистическая общественная власть оставит виновного без обеда, придется волей-неволей, под страхом голодной смерти, исполнить ее приказание? В этом идеале нет не только свободы, но разлито такое рабство, какого еще в мире никогда не существовало.

Да и распоряжаться будет при этом не общество, как обещают социалисты, а те, которые половчее, похитрее и позахватят места разных надзирателей и распорядителей.

Нет в этом идеале и равенства. Те, кто порасхватывают места управляющих и надзирателей, будут своего рода новой аристократией. Да и в остальном: разве можно назвать равенством, когда человек, трудящийся добросовестно, получает столько же, сколько злостный лентяй? Лентяй по своей работе получает в этом случае втрое или вдесятеро больше, чем сработал, а добросовестный рабочий - втрое или вдесятеро меньше, чем сработал, и плоды его труда отдаются лентяю. Такой порядок составляет не равенство, а узаконенную эксплуатацию добросовестного человека в пользу недобросовестных.

Точно так же нет в идеале социализма и братства. Братство состоит в любви, в добровольной помощи одного человека другому; при такой добровольной любви тот, кто оказывает помощь, действительно заботится о пользе ближнего и старается, чтобы его помощь принесла пользу. Насильственного же братства быть не может. Если у человека силой

отнимают плоды его труда и отдают другому - от этого являются только зависть, недоброжелательство и ненависть.

Вообще, ничего высокого или даже человечески рассудительного нет в идеалах Павла Эрнста и его партии. Все это одни пустые слова безумия, а между тем социалисты для достижения таких целей призывают рабочих к разрушению существующего строя, к революции, к рекам крови, и все это для того, чтобы создать "новое" общество, очень похожее на нынешние каторжные работы. Революций, к которым призывает революционная интеллигенция, уже немало происходило, крови пролито без меры, существующего же строя все-таки невозможно было разрушить, потому что на его защиту каждый раз поднимаются все, кто что-нибудь имеет, все, кто дорожит свободой, всякий, кто понимает неосуществимость и гибельность коммунизма. А таких здравомыслящих людей всегда бывает большинство.

И вот оказывается, что "великие идеалы" социалистической интеллигенции не только сами по себе никуда не годятся, но даже и не могут быть достигнуты, действительным же последствием имеют только то, что порождают классовую ненависть и приводят как рабочих, так и капиталистов к полному забвению своего человеческого существа, человеческих обязанностей, нравственности и солидарности.

Идеал, начавший с забвения Бога и Богом указанных целей человеческой жизни, приводит в конце концов, стало быть, лишь к тому, что в человеческом обществе умножаются разделение, ненависть и постоянная междоусобная брань, в которой все воюющие одинаково ожесточаются, проникаются взаимной злобой и отучаются видеть человека в члене противной партии или другого класса.

Нечего сказать - завидный идеал! Никакая темная сила, враждебная человечеству, не могла бы придумать ничего более удобного, чтобы перемутить и перепортить всех людей.

IV

Европейских рабочих страшат, что, покидая такой прекрасный "идеал", они остаются без всякого идеала.

Правда ли это? Неужели европейская культура до того выдохлась, что не может дать ничего взамен даже такого явно ничтожного идеала, как социалистический? Многие признают опасаться этого. Нельзя не признать, что наиболее глубокомысленное социальное учение, выработанное в Европе, то есть доктрина Ле Пле, отличается действительно скорее здравомыслием, нежели идеальностью, способной одухотворить жизнь. Это

система общественного благоразумия, несколько напоминающая по своему типу философию Конфуция, столь же практически премудрую и также не дающую места великим целям и подвигам. Ту же сухость и рассудочность представляют вообще все течения европейской мысли, сколько-нибудь противоположаемые "революции". Но если бы Европа и не могла противопоставить учению социальной революции никакого более высокого идеала (о чем лучше знать самой Европе), то совершенно не в таком положении находимся мы, русские.

Прав или не прав П. Эрнст в отношении немецких рабочих, но его упреки были бы самой слепой неправдой в отношении русских рабочих. Нашей русской интеллигенции стоит только стряхнуть чары и цепи привитых европейских понятий и оглянуться на коренные русские идеалы своей родины, чтобы увидеть, что для нас покидание социалистических идеалов приносит не понижение, не жизнь без идеала, а возвращение к величайшему человеческому идеалу жизни.

Этот идеал не какой-нибудь "классовый". Он принадлежит одинаково русскому крестьянину или рабочему, дворянину или сановнику, купцу или промышленнику - у всех он может жить в душе и для всех одинаково способен освещать их путь жизни, их обыденные старания к улучшению своего быта и их высокие подвиги, полные личного самоотречения. Это идеал не какой-либо "новый" или "старый", потому что одинаково приложим к прошлому, настоящему и будущему.

Он основан на понимании смысла человеческой жизни, Богом созданной и от Него получившей свои законы и свои цели здесь, на земле, и там - далеко, в вечном загробном существовании.

Еще первым людям при их сотворении дана была заповедь "возделывать и хранить" полученную от Бога землю. Затем были указаны Моисею главные законы человеческого общества. Затем были нам открыты Самим Спасителем вечные цели нашей жизни и высшие основы нравственности. И все это было передано нашим предкам, основавшим Святую Русь, то есть Русь, живущую не по своим произвольным фантазиям, а свято, по закону Божественному. Этот идеал Святой Руси хранится нами и до сих пор, как будет нами передан детям и внукам.

Наш вековечный идеал состоит не в том, чтобы разрушать свое общество, а в том, чтобы хранить его и улучшать, вести по возможности к совершенству. Мы желаем жить в таком государстве, которое дает всем здесь, на земле, тихое и благоденственное житие, по справедливости, по законам христианским, без ненависти и без эксплуатации, но в благосостоянии и доброй нравственности. Мы не желаем господства какого-

нибудь класса и не желаем борьбы за власть, а потому в нашем идеале Верховная власть выделена из классов, сословий и партий и вручена единому лицу - Царю, которому все одинаково подчинены и все перед ним равны. Он же должен всех одинаково любить и о всех одинаково заботиться, давая за все ответ Богу, Который поставил его на царство. Поэтому Царь наш освящается Церковью и не может быть Царем, если не принадлежит к сынам Церкви, к которой и мы все принадлежим, и, по торжественному обету перед Богом, правит нами как отец детьми.

В нашем идеале - не разделение, а союз: союз людей с Богом, государства с Церковью и братский союз людей между собой. В этом союзе все равны перед Богом и перед Царем и все имеют свободу на все доброе, на злое же сами не желают иметь ее. В этом едином союзе все мы, если только исполняем свой долг перед Богом и перед Царем, не только повинемся, не только исполняем приказ, но все сознательно работаем на устройство нашей общей великой Семьи - Святой Руси, заботясь о справедливости в нашей жизни и о том, чтобы все могли развиваться и восходить по мере сил к совершенству, взаимно помогая в этом друг другу.

В православный идеал Святой Руси как бы залегло вечное воспоминание великой первосвященнической молитвы Спасителя: "Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал Меня".

Слабым человеческим силам недостижимо осуществление этого идеала здесь, на земле, среди людей, только полагающих начатки своего духовного развития. Все, чего мы здесь достигаем, - не более как бледные проблески Божественного идеала. Но наша задача - постоянно воздвигать и поддерживать все отражающее здесь его проблески, исправлять все их угашающее, стараясь все ближе подходить к задаче, пока Господь не судит быть концу этого мира и наступлению нового...

Вот кто создаст новый мир - Царствие Божие... Это - дело Божие. Наша же, человеческая, задача - не разрушать, а хранить и воздвигать этот мир, данный на наш удел и попечение, пока не "исполнится полнота времен".

Таков идеал Святой Руси. Он не классовый, не сословный, а христианский. Он выше всех классовых идеалов, которые основаны на господстве какого-нибудь сословия. Сословные идеалы изменяются смотря по тому, кто победит. Этот же никогда не изменяется, потому что основан на Божественном законе, и он освещает все стороны и запросы жизни - как личной, так и общественной.

Немецкий социал-демократ находит, что люди, посвящающие свои усилия для улучшения, очищения и некоторого обогащения жизни городского рабочего населения, тем самым "изменяют идеалу". Его революционный идеал не способен осветить и осмыслить эту задачу современного рабочего вопроса.

Но что касается русского идеала, то и сами рабочие, и люди, им помогающие - частными ли усилиями, содействием ли правительственной власти или в качестве хозяев и предпринимателей промышленных учреждений, - всем этим только служили бы своему идеалу.

Когда сам русский промышленный рабочий начинает заботиться о своем благосостоянии, об охране своих прав, об организации своего класса, он не погружается в животную жизнь без идеала, а, напротив, начинает жить сознательной, идеальной жизнью, и все ему помогающие, как и он сам, служат всей России, а стало быть, и всему человечеству, насколько Россия способна дать ему пример.

Стоит только вникнуть в положение вещей и в требования нашего идеала, чтобы легко понять это.

Массы русского народа, находящиеся в городах и крупных фабричных центрах, имеют вокруг себя, в сущности, наибольшие во всей стране средства для развития. Здесь, в центрах, много людей образованных, здесь музеи, библиотеки, журналы и газеты, здесь главные пункты управления страной, здесь сосредоточены все главные, полезные и вредные, силы, действующие на всю Россию и отзывающиеся своим действием во всякой глухой деревушке.

Жители деревенских захолустий с трудом могут узнавать и наблюдать все эти полезные и вредные силы. Рабочие городские, напротив, - очень легко и удобно. Через них повышенное развитие могло бы передаваться всей стране. Но для того чтобы они могли воспользоваться развивающими средствами города, им совершенно необходимо некоторое благосостояние, некоторое свободное время и некоторое умственное развитие.

Если рабочий с утра до ночи сидит за станком или бьет молотом раскаленную чугунку, имея потом время только кое-как поесть да кое-как выспаться, если у него при этом не остается лишнего гроша на расходы, неизбежные для сколько-нибудь развитой человеческой жизни, то он погружается в чисто животное существование и разве только трактирной попойкой иной раз встряхнет свои оцепеневшие нервы, втягиваясь на этом пути в пьяный разгул и пьяный дебош.

Если при этом еще его права как члена русского общества нарушаются и его достоинство безнаказанно оскорбляется разными пиявками и эксплуататорами, то этот человек и нравственно тупеет, погружаясь в рабское бесчувствие, из которого выходит только для какого-нибудь безумного бунта, очень похожего на то же пьяное буйство. Я не говорю, чтобы наше фабрично-заводское население находилось в таком ужасном состоянии, в какое попадал европейский пролетариат. Однако и у нас его положение представляет немало язв, которые невозможно запускать, но должно излечивать.

Попадая же в такое положение, рабочий, понятно, не развивается, а только развращается городом, и вместо благ, которые можно бы вынести из городской жизни, выносит только злое для себя и для других. Если таких людей набираются целые миллионы - это выходит бедствие для всей страны. Ибо подобные отупелые люди могут ли быть годны для своих ближних и своего отечества?

Наоборот, все, что изменяет к лучшему положение рабочего класса, дает ему больше средств, больше времени, больше развития и обеспечения прав, больше разумной самодеятельности, - все это приносит благо не только каждому отдельному рабочему, но и всей России.

Мы все считаемся православными и сынами Церкви. Но человек, задавленный с раннего детства и до старческого истощения сил однообразной тяжелой работой, - всегда ли он найдет время подумать о своей душе, о высших целях и запросах человеческой жизни, об основаниях и содержании истинной веры, о положении, нуждах, благоустройстве и правах Церкви? А ведь мы все составляем самое ее тело, как выражено в Послании восточных патриархов. Мы называемся сынами Церкви, от нас зависит вся ее поддержка. Но что выйдет, если мы даже и не знаем о ней ничего и не живем сознательной церковной жизнью? Какое же это "тело Церкви"? Слабое, гнилое, недостойное и не способное содержать в себе Церковь Христову. Много вреда принесено было христианству и России религиозной неразвитостью и бессознательностью даже и в старое время, но эта язва угрожает ныне развиться в городском населении, при его нынешних условиях жизни, как еще никогда не было на Руси.

С точки зрения наших христианских идеалов и обязанностей, это положение требует исправления по всей России, и городской рабочий в этом отношении может очень многое сделать для всего народа, если будет усиливаться его собственная развитость, церковная сознательность и религиозная нравственность.

VI

Совершенно то же приходится сказать и о наших обязанностях как подданных в отношении Государя.

Мы считаемся подданными, любим Государя и желаем Ему верно служить, подобно тому как любим Церковь и не отказываемся ей служить. Но и тут, подобно предыдущему, - как же служить Государю, ничего не зная, ничего не понимая в общественных делах? Можно, конечно, беспрекословно повиноваться, и это, положим, великий долг и добродетель русского человека. Но когда человек недостаточно знает и понимает, его слишком легко обманывать и приводить бессознательно к действиям, вредным для Государя и Отечества. Чтобы охранять интересы Государя и Отечества, обязательно необходима известная степень политической сознательности, развития и осведомленности. Что могли бы сделать Кузьма Минин Сухорукий и Иван Сусанин, если бы умели только беспрекословно повиноваться? Да и кому еще должен повиноваться подданный для того, чтобы повиноваться именно Государю, а не тайным врагам его? Это вопрос подчас весьма сложный. Разве парижская чернь, принудившая Людовика XVI переехать в Париж, понимала, что делает и кому помогает? А ведь она в то время еще любила своего короля.

Не говорю уже о пропаганде идей республиканских, которая теперь через все щели прорывается к народу. Мыслимо ли противостоять ей с одной традицией да привычкой, которые, впрочем, подрываются именно сильнее всего в городе не только пропагандой, но и беспорядочным существованием вне семьи, вне общины, вне всякой гражданской деятельности.

Нет на свете выше политического идеала, как идеал Самодержавного Царя, душой и сердцем объединенного с народом. Но этот идеал должно понимать и нужно им, по мере сил, жить. Люди же бессознательные не могут ни понимать, ни жить человечески. И страшно подумать, что ненормальные условия способны вырабатывать бессознательную и недовольную "чернь", безродный "пролетариат", именно в городах, которых влияние в жизни страны постоянно возрастает.

Между тем городское рабочее население, если оно получает время и средства для своего нормального национального развития и в своих промышленных союзах приучается понимать условия гражданской жизни, научаясь также и пользоваться ими разумно и легально, - именно это население может укрепляюще и развивающе действовать на всю остальную массу русского народа, с которым оно так тесно связано.

Вот как освещается "мирная", "созидательная" деятельность, ненавистная революционерам, когда смотреть на нее с точки зрения здорового русского идеала. Для социал-демократа рабочий класс делается "наиболее малоценным и наименее интересным", если только покидает мысль разрушить свое общество, а думает об улучшении своего быта. Для того же, кто помнит обязанность "возделывать и хранить" наше земное достояние, напротив, всякое честное стремление к улучшению обнаруживает ростки великого, идеального. И понятно, что это относится не к одному рабочему классу, а ко всем слоям, на которые естественно расчленяется человеческое общество. Те же великие, идеальные цели существуют и при улучшении быта дворянина, промышленника, служилого человека, или, по крайней мере, эти цели должны быть при сознательном отношении человека к своей личной и сословной жизни.

Почивший епископ Феофан, Вышенский затворник, на вопрос образованной девушки, чем ей заниматься, отвечал: "Делать как следует все, что посылает окружающая жизнь". Это ответ истинной мудрости. Он совершенно приложим и к запросам общественной жизни.

Если бы мы как следует, то есть согласно своему идеалу, устраивали все, выдвигаемое действительной жизнью, все группы, слои, сословия, порождаемые ею, предоставляя им настоящее живое, самостоятельное и организованное, а тем самым дисциплинированное существование, то все социальные вопросы решались бы у нас легко. Отрицательные и разрушительные революционные идеалы не могли бы к нам и заноситься. Из этой постоянной, хотя даже и мелкой организационной работы вытекают великие последствия. Если мы впадаем в общественное недомогание, то исключительно потому, что наше европеизированное "средостение" постоянно мешает России жить и устраиваться по-русски.

Если же мы осознаем наконец свой идеал, если он в России победит наконец мертвящее влияние европейского идеала и мы начнем снова устраивать все классы и сословия по тому же типу, какой уже складывался в Московской Руси, то из этого проистекли бы, в числе других, два уже прямо величайших последствия:

- 1) коренное преобразование самого типа так называемой интеллигенции;
- 2) возможность не только идеального, но действительного, непрерывного общения Верховной власти и народа.

Здесь мы уже поднимаемся в высшие области служения нашему общественному идеалу.

VII

Значение сословно-организующей деятельности для возвращения образованному слою его нормального характера заслуживает в настоящее время особенного внимания всех лучших сил самого образованного слоя.

Ему более чем кому-либо следует подумать о ненормальном характере, который он невольно принимает, превращаясь в так называемую интеллигенцию.

Я говорю в данном случае не об идеях интеллигенции, не о тех или иных ее партиях, но о самом социальном характере ее, при котором ее идеи, изменяясь в ту или иную сторону, обрекаются на развитие почти фатально ненормальное.

Основной характер современной интеллигенции состоит в том, что она из совокупности просто образованных людей разных сословий и классов сама превратилась в особый класс, специализированный на функциях "знания и понимания" и уже не у нации почерпавший идеи, а, наоборот, как бы мыслящий за нацию и внушающий ей идеи. Это положение вредное для нации, вредное и для этого "мозга нации", а в то же время новое в истории. Оно заявило себя, собственно, с XVIII века и характеристично обнаружилось одновременно с идеей революции. За все остальное время существования человечества такой отслоенной, превратившейся в особый класс интеллигенции не было. Были люди образованные, ученые, были и классы, более других обладавшие образованием. Но эти образованные люди не сплывались, не выделялись в особенное сословие, а были неразрывно связаны с жизнью других, органических слоев народа.

Даже духовенство, иногда наиболее сосредоточивавшее знания, являлось особым сословием и имело авторитет не как "интеллигенция", не потому, что оно было "интеллигенцией", а потому, что служило удовлетворению религиозной потребности народа. В христианском мире оно даже не определяло верований народа, а только имело те же самые верования, что и народ. Митрополит или патриарх, изменявший эти верования, не встречался народом, как ныне интеллигенция, с преклонением перед "последним словом" понимания, а напротив, изгонялся как еретик.

Величайшим авторитетом в духовенстве пользовались не наиболее образованные, а наиболее святые, то есть наиболее преуспевшие в том духовном совершенстве, которого старался достигать и каждый, самый скромный мирянин.

Были образованные бояре, и их мнения о политических делах окружались в глазах народа большим авторитетом. Однако напрасно бы пытался боярин ослепить народ проектами "последних слов" революционных переворотов. Даже и несравненно меньшего переворота не мог он сделать, потому что в народе повсюду имелись свои социальные авторитеты, свои, в своем роде, "интеллигенты" - по крестьянской ли жизни, по посадской ли и торговой или в казачьих населенных пунктах. Все эти слои нации верили в свой ум и понимание, и если теоретическое значение, чисто книжное, не очень распространялось, отчасти именно потому, что эта сословная интеллигенция прекрасно понимала, что величайшее знание жизни есть знание непосредственное, а не книжное. Поэтому у всех народов авторитетом знания, то есть своего рода интеллигентом, считался наиболее опытный, умный и наблюдательный деятель самого сословия.

Вследствие присутствия повсюду таких людей, вследствие обладания своими авторитетами, своими "интеллигентами" сословия были живы и крепки, и внутреннее духовное порабощение каждого из них каким-либо другим сословием было крайне трудно, почти невозможно. Наши крепостные потеряли почти все, но сохранили до конца духовную, умственную самостоятельность.

Дворянство могло взять у крепостных их гражданские права, но подчинить их духовно было не в состоянии. Так было повсюду, и замечательно - именно в эти времена никто не признавал законом "борьбу классов", все классы чувствовали свою связь, и национальное единство твердо поддерживалось этой "сословной интеллигенцией".

Интеллигенция внесословная проявлялась, как это и подобает, в редких, личных исключениях, которые в таких малых дозах имели для общества даже полезное значение фермента, тем более что на такую внесословную роль являлись лишь весьма оригинальные и сильные личности.

VIII

Но вот в новейшее время общество залила потоком "внесословная", "бессословная" интеллигенция, которая потому и бессословна, что в себе самой составила особый класс.

Ее настоящий пророк и представитель - это Кондорсе, объявивший наступление новой эры - эры Разума.

Прежде общество жило органической жизнью, люди устраивались на основах собственного опыта и наблюдения, опыта прошлых поколений, на опоре групповых и классовых авторитетов непосредственного знания. Наконец, люди доверяли не одному "разуму", но прислушивались к своему чувству, к реальным впечатлениям.

По учению Кондорсе, в XVIII веке в мире произошел переворот: Разум созрел, и отныне должно наступить царство Разума, которым будет управляться человечество.

Это учение - настоящий день рождения нового класса представителя и хранителя "Разума", класса, впоследствии принявшего название "интеллигенция".

Его типичным образчиком были якобинцы "великой революции". Они все отреклись от своих сословий: среди них сидели рядом аббат, дворянин, буржуа, пролетарий. Все они объединялись, по их мнению, только "Разумом", "принципом", которые, однако, были не действительным голосом разума, не принципом самой жизни, а просто теоретическим мнением этого нового сословия. Между тем новый класс никакого другого разума не признавал, кроме своего, и говорил: "Пусть погибнет Франция, но живет принцип". Этот дух остался за народившимся классом навсегда, то есть до сих пор.

Последующие поколения интеллигенции много раз принуждены были признавать, что "Разум" их предшественников совсем не был "Разумом", а выражал ошибку и фикцию. Но вместо этой фикции интеллигенция создавала новое "последнее слово", в которое верила так же слепо, как прежде, так же презирая голос разума всех остальных людей, так же вбирая в себя изо всех сословий всех людей, идущих учиться, переделывая их по-своему, устанавливая учебные заведения так, чтобы вырабатывать из детей всех сословий именно себе подобную "интеллигенцию", устанавливая конституции, при которых вся власть должна была очутиться в руках интеллигентов-политиков, интеллигентов-бюрократов и т. д.

Никогда нации, в лице своих органических слоев, не были до такой степени "обезглавлены", очищены от всякого самостоятельного обладания разумом, который весь монополизирован в особом сословии всемогущей, за всех думающей "интеллигенции"!

Это выделение функции знания и понимания в ведение особого класса создало из него силу страшную, которая, приспособляясь ко всем

политическим условиям, захватывает власть над народом и в республиках, и в монархиях.

А между тем, отчленяясь ото всех сословий, создаваемых органической жизнью, эта новая аристократия в то же время неизбежно получила не жизненный, а теоретический, книжный ум. Она сама исказила этим свое развитие и именно потому стала вечно революционной, так как ее мышление созревает не на самой жизни (в которой она прямо не участвует), а на той или иной теории жизни.

В этом и состоит источник революционности интеллигентного класса, ибо он постоянно стремится переделать жизнь на основании теории. Ложность такого способа управления народной жизнью изобличалась уже много раз фактами. Интеллигенция много раз могла видеть это по опытам своих предшественников. Однако по складу своего ума она готова лишь отвергать прежние теории, но никак не отказаться от царства теории и на место прежних "последних слов" только выдвигает новые, еще более "последние", упорствуя в своей роли "хранительницы разума" и - в этом качестве - властительницы судеб наций.

IX

В полуторавековой жизни этого нового социального слоя много трагического. Ему постоянно приходится разочаровываться в себе. Он упорно ищет настоящего закона, которому бы можно было подчинить нации уже окончательно по "Разуму", и каждый раз сам убеждается, что преследовал только химеру.

В марксовской теории он было нашел "настоящий закон", своего рода бога, первичную силу, - в материальном процессе производства.

И вот социал-демократия объявила "пролетариат" "сословием будущего", господином всего, - конечно, все-таки сама управляя этим господином и обязывая его верить в открытую ею истину и действовать сообразно этому "последнему слову" Разума. Когда же пролетариат вместо революции стал улучшать свой быт, та же социал-демократия начинает бранить и его, то есть то сословие, которому она в теории только что обязалась подчиниться.

И не подлежит сомнению, что если и "условия производства" не поведут народы к революции и "новой эре", то интеллигенция отбросит марксизм, как отбросила прежние свои теории, и придумает еще какое-нибудь новое "последнее слово", которое опять будет так же упорно навязывать народам, как навязывала марксизм.

Но эта ненормальная, узурпаторская роль отзывается уже тяжело на самой интеллигенции. Она становится все более тревожна, нервна. Какая разница с прежней, сословной интеллигенцией! Та была важна, спокойна, без фанатизма уверена в своей правде, в несомненности того закона жизни, которому служила. Теперь являются нервность, беспокойность, постоянная перемена последних слов истины и каждый раз преследование с ненавистью всякого сомнения в последнем издании "истины". А между тем червь сомнения гложет новую аристократию, и некоторые ее фракции додумываются до самых невероятных умопомрачений, вроде "сверхчеловечества".

Удивительно, как эта новая интеллигенция, ища "настоящего закона" жизни, не догадывается, что он не может быть новым! Разве же может быть закон природы, который бы не действовал вечно, хотя бы мы его и не знали? Разве можно отменить закон природы? А потому вдвойне абсурдна идея "революции". Законы жизни создали общество, оно пропитано ими насквозь, и их прекрасно понимала прежняя интеллигенция, потому что будучи сословной, наблюдала действительную общественную жизнь. Нынешняя же интеллигенция - вся в книге, в теории, в отвлечении, и только поэтому не может понять того, что ясно как день при непосредственном наблюдении.

Граф Л. Толстой одну минуту готов был понять это и вздумал было учиться у мужика пониманию жизни. Но типичный "интеллигент", созданный идеей "царства Разума", он не способен был подчиниться действительному закону жизни и горделиво принялся перекраивать его по своему. Наши "народники" тоже пытались "подчиниться народу", но вроде того, как социал-демократы подчиняются пролетарию: под условием, чтобы у народа были их идеи... В отслоенном образованном классе неистребимо какое-то чисто классовое "самоутверждение", которое заставляет его из каждого порыва благодетельного самоанализа и осуждения своих ошибок восставать только с новой решимостью не учиться у нации, а учить ее.

Продолжающееся столь долго господство этого класса, чуждого действительной социальной жизни, во всех странах тяжело отзывается и на состоянии умов, и на всем строе наций. У нас это заметно еще сильнее, нежели в Европе. А между тем как жить без образованных людей, и особенно у нас, где их в народе так мало? Отрешиться же от своих ошибок нашей интеллигенции труднее, чем какой-нибудь другой, потому что она менее самостоятельна и в каждой попытке слиться с нацией останавливается не только своим характером и своей традицией, но еще и голосом европейской интеллигенции. А между тем ее влияние на русскую жизнь еще более теоретично, а потому еще более революционно.

Положение это терзает и страну, и саму интеллигенцию. Но как же из него выйти?

Х

Единственное средство выйти из положения, созданного бессловной "интеллигенцией", состоит в том, чтобы сама масса нации начала у нас сильнее жить своей естественной групповой, сословной жизнью. В этом отношении и важно все, что дает этим группам организацию и права для самостоятельной жизни.

Ни один народный слой не попадал в Европе под такую власть интеллигенции, как городской рабочий, бывший орудием ее революций. Но повсюду, где этот слой мог сколько-нибудь самостоятельно организовывать свои силы во имя своих интересов, этот "пролетариат", прежде столь покорный интеллигенции, начинал вырабатывать своих вожаков, свои авторитеты, свою сословную интеллигенцию, и как ни слабо еще это явление, однако и оно уже довольно заметно потрясло социальный демократизм. Сословный народный ум уже привносит долю здравого смысла в общественную жизнь, расшатанную революциями, и даже кое-что дает социальной науке.

Чем шире и разностороннее будет развиваться эта выработка сословной, слоевой жизни, тем сильнее нации начнут снова пропитываться своими собственными "интеллигентами", людьми знающими, деловыми, авторитетными и в то же время не оторвавшимися от действительной жизни. К ней их крепко привязывает их положение в сословии. Только возрождение такой сословной интеллигенции и может освободить наконец нации от сословия интеллигенции, а этим путем поможет оздоровить саму нынешнюю интеллигенцию, указав ей ее настоящее дело, то есть не господство над народом, но служение ему.

У интеллигенции, вырастающей на национальной групповой самостоятельности, у тех авторитетных, доверенных людей, которых выдвигает деловая жизнь групп и сословий, получается уже не книжная, не лихорадочно-отвлеченная, а практическая, здоровая закалка ума. Связь с народом ставит такую интеллигенцию на почву народных верований, духовных потребностей и исторических идеалов. У таких людей становится иным и пользование помощью науки.

Интеллигенция бессловная, революционная, не связанная с бытовой жизнью нации, жадно ищет в науке всего сколько-нибудь оправдывающего ее существование, то есть только отрицания, обличения слабых сторон жизни и всего, что сколько-нибудь уполномочивает на сочинение "новых строев" и оправдывает революцию.

Интеллигенция сословная, порождаемая бытовой и трудовой жизнью, напротив, ищет в науке того, что оправдывает ее существование, то есть того, что объясняет естественное, органическое развитие общества и внутренние законы его улучшения. Потому-то социалисты-революционеры и относятся повсюду с явной и скрытой враждой к профессиональному рабочему движению.

Действительно, вот, например, характеристика австралийских рабочих, можно сказать, созданных рабочими союзами, как известно, особенно развитыми в австралийских колониях. "Он (австралийский рабочий), - говорит новейший наблюдатель, - не желал бы цензового парламента, как в Великобритании, но проявляет самую недвусмысленную привязанность к монархии"*.

---

* Albur Metin. Le Socialisme sans doctrines. Paris, 1901. С 266 - 267.

Точно так же "религия и ее обряды составляют предмет, если можно, еще большего его почитания". Австралийский рабочий аккуратно посещает церковь, молится за обедом и т. п. Никогда он не дозволит кому-либо отрицания христианства и т. п.

Если все это под влиянием сословной жизни проявляется у английской рабочей интеллигенции, то что же сказать о русском рабочем?

И можно понять, какое благодетельное влияние на нашу современную интеллигенцию оказало бы в конце концов формирование русской народной интеллигенции! Это заставило бы нашу нынешнюю интеллигенцию оглянуться на себя, понять всю опасность и вредность своей социально-политической роли. Одна часть нынешней интеллигенции под влиянием таких оздоравливающих примеров, конечно, сама решила бы перейти к служению нации в ее органических сословных сферах. Другая часть, если бы и оказалась не способна отказаться от интеллигентской мечты о властвовании над душами, совестью, делами и судьбами русского народа, то,

по крайней мере, смирилась бы пред силой, которую невозможно поработить с минуты рождения ее сознательности.

Таким образом, произошло бы постепенно величайшее событие, излечение величайшего зла: исчезновение сословия интеллигентов и вооружение нации, во всех ее сословиях, необходимым интеллигентным элементом, сословным, проникнутым духом нации и ей служащим.

При таких условиях и та небольшая доля образованных людей, которая по своей действительной своеобразности и по силе не укладывается в обязательные рамки, оставаясь внесословною, тоже совершенно изменила бы характер. Это был бы, так сказать, пророческий элемент умственной жизни страны, выразитель высшего своеобразия национального ума и чувства.

Может быть, культурная жизнь Европы уже сказала миру все, что могла... Но у нас во всех органических слоях народа жив христианский идеал, идеал не разрушения, а устройства, не вражды, а союза. Живущий в душах десятков миллионов, он теперь не может заметно проявляться в общем устройстве России, потому что этим последним заведует фактически "интеллигенция", отрешенная от духа нации. Но чем больше будет нарождаться интеллигенции народной и чем больше будет возвращаться к народу нынешняя интеллигенция, тем скорее Россия может зажить наконец своей жизнью, своим идеалом и сказать миру свое социально-политическое слово.

XI

Оживление национальной, сословной и групповой, самодеятельности и организации имеет еще одно величайшее значение именно для России, а через Россию и для всего мира: только в организованной нации становится реальностью непосредственное общение Верховной власти с народом, которое составляет идеальную основу нашего государственного строя.

Позволю себе сослаться на то, что я раньше писал об этом в книге "Единоличная власть как принцип государственного строения" (М., 1897).

В нации дезорганизованной власть неизбежно окружается "средостением" бюрократии, отрезающей ее от народа. Положение Верховной власти в этом случае таково, что она, даже и при желании, не имеет возможности вступить в общение с нацией.

Если в нации никто ничего не делает, если все за всех думает и делает чиновник, то и общение становится возможным только с ним. Какое бы ни возникло обстоятельство - спросить возможно только чиновника, ибо никто больше в стране ничего не делает и ничего не знает. Для общения нет места.

Создать его никак не помогает так называемое представительство. Парламентские депутаты выражают не волю или желания народа, а желания политиканствующего сословия, так что это представительство не объединяет государство с нацией, а еще более разъединяет их.

Идея общения проявляется у нас еще в проектах земских соборов. Конечно, если рассматривать вопрос в принципе, то должно сказать, что никакие собрания, созванные, выбранные или назначенные, нимало сами по себе не противоречат монархической идее. Но весь вопрос в том, каковы эти собрания, из кого они состоят? Это обстоятельство столь важно, что иной раз, может быть, знакомство с одним никем не избранным и не назначенным человеком способно более послужить общению Монарха с нацией, нежели присутствие его среди целой тысячи депутатов земского собора.

Что такое общение, которое нужно Монарху? Это есть общение с национальным гением. Оно нужно для того, чтобы Верховная власть находилась в атмосфере творчества народного духа. Он проявляется иногда в деятельности чисто личной, но более всего в действии установившихся издавна учреждений и организаций и в характере представляющих их лиц. Следовательно, Монарху нужны и важны люди только этого созидательного и охранительного слоя, цвет нации, ее живая сила.

Находятся ли эти люди собранными в одной зале или нет, это вопрос второстепенный. Но одни только эти люди дают общение с духом нации.

В них Верховная власть видит и слышит не то, что говорит толпа, но то, что масса народа говорила бы, если бы умела сама в себе разобраться, умела бы найти и формулировать свою мысль. Весь вопрос об общении, следовательно, сводится к средствам окружить Верховную власть этими людьми, выделить их, сделать видными, легко находимыми и доступными для власти каждую минуту, когда она в этом чувствует потребность.

По этому поводу и говорят о природной сословности монархических наций. Как прекрасно выразался А. Пазухин, "весь общественный быт Древней Руси покоился на строго сословном начале. Каждый гражданин Московского государства непременно состоял в каком-нибудь чине, принадлежал к известному сословию, обязанному отбывать то или иное государственное тягло. Русский народ, распределенный на известное число государственных чинов, со строгим различием в правах и обязанностях, и есть та "вся земля", то историческое земство, к основам которого теперь взывают политические мыслители, мечтающие утвердить современный политический строй России на бессословном начале".

ХII

Что такое сословие? Нация, по различию условий жизни, по многообразию ее требований, всегда распадается на слои, неодинаковые по условиям жизни, а потому представляющие известные различия и в своем быте, в своих привычках, в том, что составляет сильнейшие и слабейшие стороны сословия. Это распадение на слои не есть какое-либо "исчезающее" явление, не есть что-либо свойственное лишь прежним периодам развития, а явление всегдашнее, вечное. Никогда это расслоение не было сильнее, нежели в настоящее время, когда культура значительно усложнилась в сравнении с предшествовавшими веками.

Мы на бумаге имеем одно крестьянское сословие. Но вникнем в действительную жизнь этого сословия - и мы увидим, что оно распалось на много слоев, существенно различных. Население горнопромышленное отличается от него уже весьма существенно. Население фабричнопромышленное - еще более, так что в настоящее время уже почти нет такой государственной меры, которая была бы одинаково нужна и полезна для всех слоев этого некогда единого сословия. Со своей стороны, и различные слои так называемого крестьянства уже не могут одинаковым способом служить государству, и хотя из каждого можно извлечь государственную пользу, но различными способами.

Укажу точно так же на современное дворянство. То, что было историческим дворянством, то есть сословие землевладельческо-служилое, ныне охватывает лишь небольшую долю дворянства, другие слои которого не только не имеют ничего общего с исторической идеей сословия, но по всем своим интересам прямо враждебны ей.

Класс промышленный представляется в виде купеческого и мещанского сословий, но точно так же совершенно не вмещается¹ в них и давно расслоился более сложно.

В области труда умственного давно явились резко обозначенные слои, которые, даже живя совместной жизнью, невольно, а отчасти сознательно стремятся к внутренней организации.

Прежде всякий социальный слой, как только он обозначался в своей отдельности и особенностях, становился основой государственного строения. Он привлекался к служению государству на основании тех своих свойств, которыми мог быть государству полезен. С другой стороны, он именно как слой получал государственное о себе попечение. Его жизненные свойства получали опору в государстве. Таким-то образом "класс" - социальный слой - становился сословием.

Сословие есть не что иное, как государственно признанный и в связь с государством поставленный социальный слой.

ХIII

Если теперь говорят о современной бессословности, то это не значит, что нации перестали расслаиваться, а значит только то, что государство не дает их расслоению своей санкции, игнорирует его в своих политических построениях.

Почему это происходит? Без сомнения, от ослабления общей идеи устройства, осмысливающей государственную жизнь. Старое государство повсюду связывало себя с жизнью нации. Организация общественная поэтому становилась орудием организации государственной под единым, объединяющим началом Верховной власти. Но абсолютистская идея разобщила государство и общество. При своей претензии вобрать нацию в себя новое государство, созданное новой "бессословной интеллигенцией", в действительности стало лишь вне жизни нации.

Эта идея бессословности государства в таком обществе, которое все сильнее расслаивается, принадлежит к числу больших опасностей современной жизни. Она не только ослабляет государство, но и допускает общественное расслоение доходить до ненормальности, болезненности. Последствие мы уже видим в том, что ныне уже классовые интересы, не будучи объединяемы государством, обостряются до болезненности и подрывают не только государственное, но даже национальное единство.

Между тем сама идея бессословности явилась не вследствие уничтожения расслоения нации, а, напротив, как идея еще нового слоя ее - интеллигентского, бюрократического и политического, который, устраняя нацию от непосредственной связи с государством, взял на себя функцию представительства государства перед нацией и нации перед государством.

Однако же в идее Монархии лежит именно непосредственная связь с нацией.

Задачи осведомления и общения с нацией достигаются для Верховной власти тем легче, чем более находятся на виду все наиболее деятельные силы и люди нации, а это происходит лучше всего там, где энергичнее и свободнее происходит группировка нации в слои, корпорации, общества, в центре которых сами собою обозначаются наиболее способные и типичные выразители этой национальной работы. Находить и видеть их для Верховной

власти всего легче и удобнее тогда, когда все эти группы имеют известную компетенцию заниматься своими делами и необходимую для этого организацию.

Тут вовсе не создается какой-нибудь оторванности этих групп от учреждений правительственных. Напротив, без связи с правительственными учреждениями они не могли бы приобрести и силы. С другой стороны, связь всех их с правительственными учреждениями необходима для того, чтобы правительство могло являться в своей роли верховного посредника между групповыми столкновениями и приводить их к соглашению.

Когда страна в своих естественных слоях организована, то в ней являются естественные представители народа, люди, занятые делами народа, члены собственных его групп, знающие реальное положение их быта и нужд, словом - истинная народная, национальная интеллигенция. Верховная власть при этом имеет в стране несколько тысяч или десятков тысяч человек, природных представителей своих сословий и групп. Их нечего искать и даже выбирать. Они налицо. Каждый из них является действительно экспертом по интересующим Власть вопросам и в то же время облечен, не по "выборам", а по самой жизни, доверием тех, с которыми живет и дела которых ведет.

При таком положении во всякий данный момент общение Власти с народом и осведомление о его нуждах и настроениях в высшей степени легко.

Верховная власть тогда уже не может быть отрезанной от народных слоев никакими "средостениями", и духовное единство Царя с народом делается не только идеалом, но реальным фактом.

Между тем монархическому образу правления недостает лишь фактического непрерывного общения, чтобы яркой звездой заблистать по-прежнему над всеми другими формами правления.

В настоящее время весь мир достаточно разочарован в политических и социальных идеалах, созданных интеллигенцией XVIII - XIX веков. Но чем их заменить? Это уже трудно видеть в Европе. Это может показать только Россия с той минуты, когда достигнуто будет реальное общение Царя и нации, общение непосредственное и непрерывное.

XIV

Мы начали разговор с дел малых и кончили великими...

Понятно, я не хочу сказать этим, что великие, мировые последствия ждут нас как награда за кое-какие улучшения быта рабочих, за некоторое усиление действия справедливости в этой среде, за некоторое проявление в

ней той организации, которую эти же рабочие имеют у себя в деревне. Понятно, что для великих дел нужен и предварительный великий труд.

Но я хотел только сказать, что с правильным идеалом, осмысливающим нашу жизнь; мы можем замечать ростки великого дела в самых даже малых зародышах всего хорошего, всего улучшающего жизнь. А если при сознательности у нас оказывается еще и способность к труду, то эти малые ростки, конечно, дорастут и до великих дел.

Для немецкого социального демократа с его ложным идеалом революции мирная организация рабочих в целях улучшения жизни кажется безыдейной и даже явлением печальным. Этим трудящимся людям стало лучше, но для революционера "чем лучше, тем хуже". Сторонник ложного идеала готов радоваться, если людям стало хуже жить, он, пожалуй, готов помешать "частичным улучшениям"... Не так рассуждает и не так относится к "частичным улучшениям" человек, имеющий идеал правильный.

Тот, кто знает, что дело людей - не ломать Богом созданные законы жизни в фантазиях о "новом, будущем строе", но хранить и возделывать данный нам социальный строй, тот понимает, что, наоборот, "чем лучше, тем лучше", ибо каждое улучшение, каждое малейшее достигнутое нами проявление идеала в жизни ведет за собою новые улучшения, новое совершенствование.

Не остается поэтому "без идеала" русский человек, работая над "мелкими улучшениями". Насколько он успеет, до какой степени осуществления идеала окажется ему возможным дойти? Это зависит от силы, от обстоятельств, от судеб Божиих. Но как бы мало мы ни сделали, во всяком случае мы сделали при этом не зло, а добро, пользу людям, а не вред. Это, во всяком случае, более достойно человека, нежели плодить зло...

Наша интеллигенция, от которой столь многое зависит в России, должна, однако, понять, что из числа "мелких улучшений" особенно чреватые благими последствиями именно улучшения в быте сословий.

Ложная теория революции уверяет, будто бы в истории только и есть, что "борьба классов". Это неверно: есть также их союз, и именно союз создает нацию, и именно поддержание союза, а не господство одного класса над другим есть идейная и историческая цель государства. Поэтому велика и плодотворна задача - отыскать в каждую эпоху способы повышения этих "классов", составляющих в своем союзе целое общество, укрепить каждый из них порознь и упрочить их соглашение между собой. В этой задаче принимают участие и самостоятельные усилия каждого класса, и помощь власти, которая для того и существует, чтобы законодательно санкционировать справедливое и государственной силой подавлять все

несправедливое. Этим именно путем растет и крепнет человек каждого сословия, и целое сословие, и вся нация, в совокупности и совместно со своим государством. Этим путем подготавливается и мировое значение учреждений, выработанных каким-либо народом.

Я заговорил о русских идеалах в связи именно с рабочим вопросом, потому что до сих пор у нас смотрели на все более возрастающее фабрично-заводское население совершенно безыдейно. Говорили и думали о промышленности, о капитализме. Но что такое представляет в своем внутреннем сложении нарастающий новый класс народа - об этом никто не думал, кроме разве марксистов, решавших дело, понятно, в том смысле, что у нас здесь нарождается "пролетариат", имеющий впоследствии произвести "социальный переворот".

В действительности фабрично-заводские рабочие - такие же русские люди, как всякие другие, и даже гораздо более русские по крови и по духу, нежели наша интеллигенция. В фабрично-заводском населении живут те же верования и традиции исторического русского народа, как и в крестьянстве. Способность и потребность организованной общинной жизни среди рабочих весьма велики, а между тем в своем внутреннем быте этот новый класс не получал до сих пор ни малейшего устройства.

Такое положение, конечно, совершенно ненормально, антисоциально. Если мы станем держать в состоянии сбродной толпы целые миллионы народа, то, разумеется, эти миллионы потеряют возможность вырабатывать в себе общественное воспитание, не могут сохранить никакой социальной дисциплины и, наоборот, могут лишь постепенно отрываться от общего дела русской нации, как действительно некоторый бездомный "пролетариат". Устройство этого нового "сословия" является одной из важнейших современных задач России, и в этой задаче мы должны исходить из тех же общих идеалов, на которых построены у нас и другие сословия, и вся Россия.

Новый "класс" должен быть введен в семью других наших классов, из "класса" превратиться в "сословие", сословно признанное государством и сословно государству служащее. Тогда он станет не угрозой, а лишь новой опорой русского национального строя.

Русские идеалы дают все исходные пункты для такого устройства. Наша интеллигенция на этом деле может получить лишь новое доказательство всеобъемлемости этих идеалов и убедиться, что, желая служить истине, она должна служить именно им, а не идеалам разложения, почерпаемым ею на Западе и создающим у нас столько хаоса, брожения, волнений, упраздняющих всякую созидательную творческую работу.

Но какова бы ни оказалась степень чуткости интеллигенции при действительных запросах русской жизни, нельзя не выразить надежды, что чуткость самой Власти русской не оставит без внимания несомненной нужды нарождающегося класса рабочих в правильном сословном устройении. И чем скорее начнется это устройство, тем легче будет поставить его на почву русского идеала, идеала не "борьбы классов", а всеобщего союза сословий под общей властью всем им одинаково принадлежащего государства.